

ГАЛІСТУК
ДЛІА МОЛІ

Stella Grey

ИДДК

Стелла Грей
Галстук для моли

«ИДДК»

2018

Грей С.

Галстук для моли / С. Грей — «ИДДК», 2018

«Галстук для моли» – современный любовный роман Стеллы Грей. Я, может, и бледная, зато умная, а ещё наглая. Именно эти качества помогли мне устроиться помощницей агента восходящей звезды и сногшибательного красавчика Макса Старовойтова. Ведь в такой профессии не нужна вызывающая внешность, главное деловая хватка и акульки зубы в три ряда, чтобы отбиваться от излишне строгого шефа – Александра Малкина, для которого работа превыше всего.

© Грей С., 2018

© ИДДК, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Стелла Грей

Галстук для моли

Глава 1

Ульяна

– Всего доброго. – Девушка-секретарь вышла из кабинета, пропуская мимо себя мужчину лет сорока. Статного, солидного... Пятого кандидата по счету. – Следующий.

Говорила она безэмоционально, а вид имела неприступный и холодный. Красивая, высокая, стройная. В брючном сером костюме с высоким воротником под самое горло и строгой прической. Окинула оставшихся кандидатов равнодушным взглядом и вернулась в кабинет, оставив дверь приоткрытой.

Я поднялась со стула и пошла в «пыточную», как уже успела охарактеризовать комнату, где проводили собеседования. Люди входили туда с надеждой во взгляде, а выходили с испорченным настроением.

– Представьтесь, – попросили меня, стоило перешагнуть порог помещения.

Голос принадлежал другой женщине.

Подняв глаза, увидела троих. Та самая блондинка-секретарша, что вызывала нас по одному, сидела за компьютерным столом и печатала на ноутбуке. Напротив входа, закинув ногу на ногу, в кожаном кресле обнаружилась женщина лет сорока с хвостиком.

Причем длину этого «хвостика» угадать было тяжело. Ухоженная, с красивым маникюром, идеальным макияжем и прической волосок к волоску. Тоже в брючном костюме. Губы поджаты, в руках блокнот и карандаш. Она буравила меня оценивающим взглядом и ждала начала исповеди. Кто я, откуда и зачем пришла.

Будто и не видела моего резюме, в котором заставили вспомнить всех родственников до четвертого колена...

Ну, и третий человек. Им оказался мужчина, одетый в деловой костюм, коротко стриженный, идеально выбритый, в очках. Он читал газету, привалившись к стене у окна, и никак не отреагировал на мое появление. «Охранник», – решила я, полностью переключая внимание на даму перед собой. С начальницей определилась.

– Рыбкина Ульяна Михайловна. – Слегка улыбаясь, поправила очки и начала речь, отрепетированную несколько раз перед зеркалом: – Высшее юридическое образование, красный диплом. Год работала в договорном отделе крупного коммерческого холдинга «Коршунов-корпорейтед». На данный момент три дня как уволилась по собственному желанию и являюсь соискателем на должность помощника агента для Старовойтова Макса. Причина увольнения – желание испытать себя в новой профессии. Коммуникабельна, стрессоустойчива, ответственна...

– Вам всего двадцать три года, – перебила меня женщина, что-то чиркая в своем блокнотике. – И работали из них вы только год. Откуда столько самоуверенности?

На меня подняли взгляд, полный сомнения.

Черт. Столько раз представляла себе эту сцену и все равно немного растерялась. Нельзя показывать слабость. Подарив даме новую улыбку, спокойно ответила:

– Никакого самомнения, просто констатация фактов.

И это правда. Да, в фирме я работала не так долго, но внутри коллектива все знали: у нас год считался за три. Коршунов не угодил кому-то наверху, и на нас по его милости сыпалась

одна проверка за другой. Уж сколько я всего повидала – не пересказать, так что ни переработками, ни налоговой, ни комиссиями разными не напугать. У меня организм теперь наполовину состоял из валерьянки, зато «дзен» познала и про стрессоустойчивость не соврала. Только вот оглянувшись однажды назад, поняла: продвижения по карьерной лестнице там не видать. Все хорошие должности были заняты старожилками, и дальше меня попросту не пропустили бы.

В общем, решила уйти и найти что-то новое. Спешить с поиском не собиралась – не торопясь заполнила пару резюме на сайтах вакансий и хотела пару недель отдохнуть. Но мне позвонили.

– Есть ли у вас жених? – снова подала голос женщина. Я окрестила ее «акула карандаша» за привычку бесконечно чиркать что-то в блокноте.

– Нет, жениха нет.

– Молодой человек? – настаивала на своем она. – Больная бабушка, нуждающаяся в постоянном уходе?

Я вздернула бровь: эх она скачет с жениха на больных родственников!

– Нет, – повторила спокойно. – Никто меня не ждет. Даже кота нет.

Подумав, спохватилась и добавила:

– Но если пропаду совсем, родители панику поднимут. Так что на органы пускать меня себе дороже.

Три пары глаз посмотрели на меня с непониманием. Даже охранник от газеты оторвался.

– Шутка, – объяснила я, делая мысленную пометку *«открывать рот, только чтобы отвечать на вопросы»*.

– Есть ли у вас вредные привычки? – снова завелась «акула».

– Нет.

– Хобби?

– Любимая работа – это все, что мне нужно, ей посвящаю все свое время.

– Задолженности в банках? Кредиты? Ипотека? Ссуды?

– Ничего такого.

– Живете в съемной квартире?

– В своей. Досталась от бабушки по наследству.

– Сколько языков знаете помимо русского?

– Два, – честно соврала я. Нет, английский-то в совершенстве, а вот французский только со словарем и возможностью кое-что добавить жестами...

– Спортивные достижения?

– Никогда не опаздывала на работу, – кивнула я. На недоуменный взгляд «акулы» пояснила: – Сорок минут на метро и оттуда еще почти километр пешком. Чем не спорт?

Она тяжело вздохнула, сделала губы бантиком, еще раз вздохнула.

– Права на вождение автомобиля? – уточнила.

– Есть. Категория Б, – отрапортовала я. – Но на метро гораздо удобнее, если вы об этом.

– Ясно, – и снова вздох. А голос такой, будто она доктор и только что поставила мне неизлечимый диагноз. – Я кое-что расскажу. Итак, в случае трудоустройства вас ждет подписание контракта, где мы утвердим ненормированный рабочий день, вашу готовность лететь в любую точку мира вслед за нанимателем и множество других обязанностей, включая запрет на беременность.

– Очень похоже на мою прежнюю работу, но вы оклад предлагаете больше. – Я улыбнулась. – Беременность и так не светит, если постоянно на работе торчишь. И летать мне нравится, а спать я привыкла по пять-шесть часов в сутки. Этим не удивить.

Женщина вскинула брови, промолчала и перевела вопросительно-недовольный взгляд на охранника.

Тот так и стоял у окна, читая газету.

– Александр Сергеевич, – окликнула его дама. – Как вам этот сгусток неземного оптимизма?

Охранник сложил газету вчетверо и, сняв очки, посмотрел на меня. В тот же миг я поняла, что ошиблась. Так охранники не смотрят. Только наниматели. Надо же настолько сглотить и не признать, кто здесь главный!

Слишком прямая спина, слишком уверенная походка, но главное, безусловно, это взгляд устремленных на меня темно-серых глаз: он гипнотизировал, подавлял и оценивал одновременно.

Агент Макса Старовойтова, звезды российского, а с недавних пор и зарубежного кинематографа, приблизился и слегка оттянул на себя ворот моего кашемирового платья-свитера.

– В таком виде чтобы я вас больше не видел, – проговорил тихо, а у меня от напряжения все равно уши заложил. Берут на работу? Правда, что ли?! И он станет моим боссом?

– У вас дресс-код, насколько я понимаю? – уточнила, кивнув в сторону секретарши с «акулой». Собственный голос радовал – спокойный, с нотками легкого удивления. Без паники, главное. – Скажите, что нужно носить, и я, разумеется, исправлюсь.

Секундная заминка, звенящая тишина и легкий кивок брюнетистой головы, видимо, означающий одобрение.

– Регина, просвети ее. – Александр Сергеевич взмахнул очками в мою сторону, вздохнул и обошел меня, направляясь к выходу. – Света, толпу разгоняй, сообщи, кандидат найден. Звоните, если что.

– Как скажете. – Секретарь вскочила из-за стола и помчалась следом за мужчиной.

– Ну что, идем оформляться на испытательный срок, – поднявшись с кресла, проговорила та, которую я изначально приняла за босса. Регина, кажется. – Документы при вас?

Кивнув, демонстративно покрутила в руке сумку-портфель, все еще не веря в случившееся. Я и пришла-то сюда только потому, что мимо таких предложений не проходят. Но совсем не ожидала, что вот так сразу примут на работу. Видимо, шок все-таки проступил на моем лице, потому что «акула» вдруг усмехнулась, подмигнула и сообщила:

– Вы за эти три дня двадцать седьмая у нас. И я думала, еще помучаемся. Но нет, приглянулись чем-то Александру Сергеевичу, так что держите удачу за хвост.

Я довольно усмехнулась, поправила платье и только хотела подумать, что не зря его надела, как Регина добавила:

– На работу в таком виде не являйтесь – уволит сразу. Для него все сотрудники – беспольные существа, так что никаких романтических настроений и тому подобного. Цените ваше и наше время, Ульяна Михайловна. Зарплата и правда хорошая, а опыт получите такой, что потом хоть собственное агентство открывай. Если удержитесь на месте, конечно.

Домой я летела на крыльях мечты. Надо же, такое везение! Уж не знаю, что именно привлекло во мне Малкина – а именно под такой фамилией жил и работал мой начальник, – но счастье било ключом через край. Хотелось отметить новую должность, однако, во-первых, не с кем, а во-вторых – некогда. В тот же день пришлось ехать по магазинам, чтобы прикупить себе несколько подходящих костюмов. Обязательно брючных, максимально закрытых и в серых тонах. Туфли тоже пришлось брать строгие, без каблуков – шпильки Малкиным запрещались.

Утро следующего дня началось с поездки в частную клинику в центре Москвы, с которой у агентской фирмы заключен контракт, где потребовалось сдать достаточно много анализов, а также пройти осмотр у специалистов.

К полудню я была вымотана морально и физически, но скрепя сердце открыла в себе второе дыхание для поездки в салон, где мои сильно отросшие и достаточно запущенные волосы, обычно убираемые просто в хвост, привели в божеский вид. Вышла я оттуда с блестящей шевелюрой, идеальным изгибом бровей, потрясающим маникюром в пастельных тонах и без денег.

В кошельке царил сквозняк. И не то чтобы у меня не было сбережений, но как-то отвыкла я их расходовать на наведение красоты.

Остаток вечера потратила на поднятие конспектов и попытку вспомнить все, буквально всю университетскую программу. Было страшно снова показываться Малкину на глаза, так и представлялось, как он посмотрит на меня с утра, качнет головой и скажет:

– Нет, ошибся. Следующий.

От подобных мыслей к ночи в квартире снова пахло валерьянкой, в руках как-то оказалось ведро мороженого, а стрессоустойчивость во мне загибалась в муках. Не знаю, как и во сколько уснула, но проснулась по звонку будильника сильно помятой и с отпечатком ложки для мороженого на щеке...

Глава 2

Первый рабочий день

Холодный ветер и слякоть стали моими сопровождающими с утра. Я шла, подгоняемая в спину сквозняками, низ брюк покрывался мелкими пятнышками грязи, а в голове впервые за долгое время возник вопрос: «Может, и правда стоило купить машину?»

Станция Чистые пруды встретила меня тепло и солнечно, словно за сорок минут, проведенных в метро, в Москве сменился целый сезон. Погода этим летом настораживала: иной раз утром казалось, что начался обещанный учеными ледниковый период, к обеду жарило так, что хотелось содрать с себя кожу, а к вечеру до дома добиралась перебежками, держась за фонарные столбы в надежде, что не снесет ветром в Канаду.

За размышлениями я и не заметила, как добралась до знакомого трехэтажного здания, и лишь остановившись напротив массивной двустворчатой двери с надписью «Сотов и Малкин», вспомнила, куда и зачем бежала. Новая работа, новые обязанности, новые знакомства... все это ожидало там, внутри. Но я не спешила. Достав влажные салфетки, оттерла брюки от пятен, вернула свеженький вид темно-бежевым туфлям-лодочкам и, пожелав самой себе ни пуха ни пера, пошла покорять очередные вершины.

Регина Петровна, она же «акула пера», уже сидела на месте в небольшом кабинете на первом этаже. Увидев меня, робко сунувшую нос в приоткрытые двери, женщина шевельнула уголками губ, пытаясь, видимо, показать радушную улыбку. Вышло странно, но попытку я оценила, робеть перестала и радостно возвестила:

– Рада вас видеть. Снова. Я принесла недостающие в прошлый раз документы и готова сегодня же...

Договорить не дал звонок телефона.

Подняв вверх указательный палец, Регина Петровна бросила взгляд на часы, цыкнула и, сняв трубку, степенно ответила:

– Кадры. Слушаю. Да. Да. Сейчас? Поняла. Посылаю. Да.

Трубка вернулась на место, а меня одарили второй попыткой улыбнуться.

– Вас, Ульяна, уже ждут. Документы давайте, я их отсканирую, в личное дело подожью и в договор внесу данные. Через часик загляните, подпишем все. А пока вам на третий этаж в тридцать первый кабинет. Всего хорошего.

Я покивала для порядка, бумажки отдала и пошла, куда послали, сожалея о том, что с утра решительно отвергла валерьянку, заменив ее мощной порцией кофеина. Теперь организм был нереально бодр и до отвращения труслив.

Третий этаж встретил красивым фойе в светлых тонах и с растениями по периметру стен. Напротив лифта за столом сидела вчерашняя секретарша. При виде меня она встrepенулась и растянула губы в заученной улыбке:

– Доброе утро, Ульяна. Александр Сергеевич ждет у себя. – Мне грациозно ткнули рукой влево. – Сейчас я предупрежу его, что ты уже пришла.

Кивнув, я отодвинула рукав пиджака и бросила взгляд на часы. До начала рабочего дня оставалось десять минут. И мне категорически не нравилось ощущение, будто сотрудницы агентства и вовсе не уходили с работы.

– Можете идти. – Повесив трубку, Светочка снова дежурно улыбнулась. – Проводить?

– Не нужно. – Я тоже ошачливила ее видом на свои тридцать два зуба и пошла заданным курсом. Налево.

Проходя мимо первого по счету кабинета, услышала новый голос. На этот раз мужской. Чуть притормозив, разглядела молодого блондина в сером костюме и голубой рубашке под цвет глаз. Он говорил через гарнитуру, при этом хмуро листая папку с документами.

– ...была создана индивидуальная композитка. Мы рассылает ее еженедельно по всем топовым кастинг-проектам, но предложений пока не поступило. Давайте наберемся терпения и...

Что «и» – не дослушала, так как меня заметили, после чего дверь закрылась плотнее. Прямо перед моим любопытным носом.

Поджав губы, я решила запомнить этого типа и сказать какую-то милую гадость при случае, а пока миновала еще одну дверь и остановилась у нужной. Под цифрой тридцать один красовалась надпись «Малкин А.С.»

Стук сердца в груди был гораздо громче того, что произвел на свет мой кулак, встретившись с деревом. Уж не знаю, какой из них слышал новый босс, но откликнулся тут же:

– Да!

– Доброе утро, – упрямо проговорила я, показываясь на пороге кабинета. Хотя внутри все противилось тому, что оно реально доброе.

– А, явились. – Александр Сергеевич посмотрел на меня из-под очков, быстро пробежал взглядом по костюму от застегнутой наглухо блузки до мысков туфель, снова поднял глаза и удовлетворенно кивнул: – Хорошо. Как вас?.. Марьяна?

– Ульяна.

– Угу. На первом этаже у нас кухня, там кофемашина. Пользоваться умеете?

– Разберусь, – убежденно кивнула я.

– Хорошо. Мне три ложки сахара без молока. И перекусить что-то организуй. Давай быстренько.

– А вещи? – Я покрутила в руках сумкой-чемоданом. – Мне пока место не определили, где можно...

– Здесь твое место. Вон стул, положи там шмотки и принеси, наконец, чертов кофе!

«Стрессоустойчивость, умение схватывать на лету», – вспомнила я выборки из собственного резюме. Надо бы соответствовать.

Повесив пиджак на стул, туда же положила сумку и вышла, успев бросить на шефа недовольный взгляд. Он что-то читал в планшете, одной рукой придерживая дужку очков, а второй листая виртуальную страничку вверх. Сопел с негодованием, кривил губы. По всему видно: занят чем-то очень важным.

С кофемашиной я справилась, с завтраком тоже разобралась. Потом сбегала в химчистку, что нашлась за два квартала от работы, и забрала оттуда два серых костюма. Вернувшись, побежала к юристам, где на меня составили разовую доверенность для получения корреспонденции агентства. Сходила на почту, получила две коробки и пакет писем с пригласительными, еле приволокла их на работу, сама же рассортировала. Только собралась на обед, как была схвачена за руку и в добровольно-принудительном порядке отправилась с шефом на съемочную площадку какого-то сериала. Присутствовала на странных переговорах, где в течение двадцати минут два мужика в дорогих костюмах крыли друг друга матом, пытаясь прийти к консенсусу по поводу гонорара третьего мужика. Я при этом стояла с умным лицом и не понимала, зачем меня притащили.

– Сотню накинь, и Макс подумает, – посмотрев на часы, сообщил Малкин собеседнику.

– Да вы охерели совсем! – противился жадный продюсер. – За пять минут в кадре такие бабки. Обойдусь!

– Как знаешь, – скучающим тоном заявил шеф, – рейтинги у тебя – днище, Паша, а я предлагаю реальный выход. Не хочешь принять руку помощи – тони дальше.

– Рука помощи? Серьезно?! Да твой Старовойтов – одноразовая звезда. Он уже в закат пошел! Не борзайте!

Малкин демонстративно зевнул в кулак.

– Все, мы уходим. Но смотри, Паша, через три дня Макс будет уже в Израиле, там съемки «Проклятия фараона» начинаются, и он в одной из главных ролей... Так что потом не ной, хоть в дружбу, хоть в службу, а уже помочь не смогу.

Продюсер встал в стойку, нахмурился, потер лоб.

– Серьезно? Его позвали?

– Иначе и быть не могло, – пожал плечами Малкин.

– Ладно, – «сломался» продюсер, – твоя взяла. Завтра жду Макса, заплачу по твоему тарифу. Но это грабеж.

– Это дружеская скидка, Паша, – покачал головой шеф. – Актеры такого масштаба могли бы требовать больше, но тебе повезло, что мы знакомы и ты мне нравишься. Я вижу в тебе потенциал, и только поэтому уговорил Макса выделить время.

– Конечно, и бабки здесь совершенно ни при чем, – пробухтел продюсер...

Через двадцать минут мы сидели в машине, поедая салаты «на вынос», купленные в более-менее приличном ресторане, потому что времени катастрофически не хватало, и Малкин звонил куда-то, но ответом ему были лишь длинные гудки.

– К Старовойтову, – сбросив вызов, сказал он водителю. – Не дай бог пьет, сучонок.

Судя по тону и перекошенной физиономии, настроение шефа внезапно упало и разбилось. Брови сошлись на переносице, открылся ноутбук, и длинные пальцы яростно забарабанили по клавиатуре, да так, что та едва не дымилась.

По пути со мной заговорили лишь дважды. Первый раз Александр Сергеевич спросил, какого хрена я на него пялюсь – пришлось молча отвернуться, – а во второй раз я чихнула, и водитель пожелал мне здоровья. И это за тридцать минут езды, благо хоть без особых пробок.

Одним словом, когда приехали на место, я мечтала, чтобы этот день закончился, и хотела оказаться в теплой постели. Мечта почти сбылась и гораздо быстрее, чем я рассчитывала.

Макс Старовойтов нашелся в одной из квартир многоэтажки в очень даже приличном спальном районе Москвы. Он радушно распахнул двери, даже не спрашивая «Кто там?» и потрясающе улыбаясь, схватил меня за руку со словами:

– Блин, какая милота. Это мне?

На Малкина посмотреть я не успела, Старовойтов потащил меня за собой. Пробежав вслед за звездой экрана в одну из комнат, была осторожно брошена на кровать, рядом со скомканным одеялом и голой, явно девичьей задницей, из которой росли длинные ноги. Остаток тела и голова девицы терялись под мятой, накинутой как попало простыней.

– Прелесть, – услышала я голос шефа совсем рядом. – Отрываешься, значит?

– Есть такое, – отозвался Макс Старовойтов.

Вспомнив, где и с кем нахожусь, уставилась на предмет вождения тысяч и тысяч девиц нашей необъятной родины.

Он стоял у журнального столика. В одних плавках, увенчанных неким неизвестным мне лейблом сбоку. Ростом чуть выше среднего, мускулистый, поджарый, кричаще красивый... Блондин с синими глазами, на которые вечно падает чуть удлиненная челка. Прикурив от зажигалки, Макс запрокинул голову назад, вдохнул поглубже и тут же выпустил в потолок колечки дыма.

Я закашлялась и вернулась в реальность.

Вскочив со смятой постели, передернула плечами, понимая, что именно здесь происходило до нас, и брезгливо отряхнула руки.

– Ты просил пару дней отдыха, – спокойно проговорил Малкин.

– Да. – Макс снова заулыбался, при этом глаза его были сильно затуманены. Ступив назад, он наткнулся на что-то и едва не упал. – Сука!

Зазвенело стекло – столкнулись несколько пустых бутылок.

– Ты пьян, как скотина, – все тем же терпеливым тоном вещал шеф.

– Чертовски верно замечено! – засмеялся Макс, разводя руки в стороны. – Это и называется отдых, друг. Расслабься.

Звезда шоу-биза упал на кресло, стащил с подлокотника неприлично короткое черное платье, расшитое пайетками, и швырнул его в сторону.

Задница на кровати, «поймав» одежду, пошевелилась, и спустя миг миру явилось растрепанное заспанное нечто. С большими губами, красивым узким носиком и глазами, полными недоумения.

– Привет, – хрипло поздоровалась красотка – а девушка действительно была хороша, если не брать во внимание волосы дыбом и «смоки айс», перебравшийся с верхних век на нижние. – А где все?

Ее голая красиво стоящая грудь примерно третьего размера заставила меня осуждающе нахмуриться. И даже отвернуться, поджимая губы. А потом еще и подумать злорадно: «Вот родит она когда-то, и все это обвиснет до пупка. Непременно обвиснет! А у меня все останется на месте. Весь первый размер!»

– Все ушли, вам пора, – ответил Малкин девице. – Всего хорошего. Макс, скажи девушке до свидания.

– Пока, солнце, – грустно пожал плечами Старовойтов, затягиваясь очередной порцией никотина и одновременно вынимая из-под себя три шнурка, связанных вместе. «Трусики», – догадалась я и сразу подумала, что в таких ходить – целая пытка.

– Ты мне позвонишь? – заулыбалась милая девушка, на удивление ловко поймав собственное белье. – Где написать номер?

– Он помнит его наизусть, – вмешался шеф, подхватывая красотку за запястье и подталкивая к выходу. – Память профессиональная.

– Но я не говорила... – пыталась возразить девица, оправляя платье одной рукой и прижимая к груди трусики второй.

Проследив за ними взглядом, я поправила очки на носу и повернулась к Макс, где столкнулась с веселым, даже каким-то мальчишеским взглядом.

– Нас не представили, мышка. – Старовойтов поднялся с кресла и вернулся к столику, где затушил сигарету прямо в тарелке с сырной нарезкой. При этом он продолжал смотреть на меня и немного криво улыбаться, больше на левую сторону.

– Ульяна Михайловна, – копируя тон Малкина, проговорила я. – Помощница вашего агента. Его правая рука, можно сказать.

– Правильно. – Макс вдруг хлопнул в ладоши и с силой их потер. – За это надо выпить.

– За что? – не поняла я.

– За то, что Саня перестанет мозолить собственную руку. Ему давно нужна была помощница, совсем ведь озверел.

Я крепко сжала зубы, понимая, на что актеришка намекает, и уже хотела высказаться по этому поводу, но меня опередили.

– Еще хоть стопку выпьешь, и я расторгаю контракт. – Малкин говорил прямо над моей головой, так что я даже вздрогнула от неожиданности. – Хватит отдыхать, Макс.

– Только не надо угрозы, – поморщился Старовойтов. Но бутылку поставил на место. – Что прикажешь делать? Сидеть и читать томики Ницше?

– Учить слова. – Меня обошли слева, пахнуло дорогим мужским парфюмом. – Я выбил тебе роль в «Императрице» у Паши Клименко. Два дня съемок, а потом летим в Израиль на пробы к фильму «Проклятие фараона».

Миг, еще один – и перед нами, кажется, другой человек. Бодрее, сосредоточеннее и гораздо серьезнее.

– Как? – только и спросил этот новый Макс.

– У тебя очень хороший агент, Старовойтов, – хмыкнул шеф. – Не «пролюби» все из-за своей дурусти.

– Не верю. Паша разорился на роль для меня? И в «Проклятие» позвали? С чего бы?

– С того, что ты красив, богат и знаменит. Ну и я реально хорошо знаю свою работу. Кстати, знакомься, моя помощница. Правая рука. Пока на стажировке. Ульяна.

Мое отчество демонстративно опустили и подчеркнули шаткое положение на должности, но хоть без аморальщины обошлось, вроде той, что гениальный актер приписывал.

– Здравствуйте, – как можно нейтральнее проговорила я. – Рада знакомству.

– Ты мне тоже сразу понравилась, мышка, – улыбнулся Старовойтов, протягивая руку и пожимая мои холодные пальцы. – Бледненькая какая, не гоняй ее сильно.

Последние слова были адресованы шефу, конечно, а вот смотреть Макс продолжал на меня.

– С этим как-нибудь сам разберусь, – ответил Малкин, щелкая пальцами. – Пошли, Ульяна. Дела.

Я снова сжала зубы и едва удержалась, чтобы не закатить глаза. Так обращаться с собой я никому никогда не позволяла, но уволиться сразу было все равно что признать свою слабость.

– Не обращай внимания, – шепнул Макс за миг до того, как я забрала свою ладонь из его руки, – он не такой уж сухарь, мышка. Но бесить его тоже не стоит.

– Ульяна, – поправила его я. – Спасибо за советы и до свидания, Максим Андреевич.

Покидая его квартиру, я бросила последний красноречиво-брезгливый взгляд на мятую постель и бутылки на полу, после чего с чувством некоего превосходства гордо удалилась вслед за начальством.

Александр Сергеевич ждал меня у лифта, задумчиво постукивая длинными пальцами по стене и глядя в пол. Со мной он снова не говорил. Ни когда я приблизилась, ни в авто, ни в офисе. Но я упорно дошла за ним до кабинета, чтобы все-таки замереть на пороге с вопросительно-недоуменным выражением лица.

– Двери закрой! – недовольно рявкнул шеф, стоило ему усесться в глубокое кожаное кресло и откинуться на высокую спинку.

Я выполнила просьбу и хотела облегченно вздохнуть, когда услышала новый рык:

– С этой стороны, Рыбкина!

Пришлось войти, плотно прикрывая за собой двери.

– У тебя такой вид, будто я тебя уже утомил, – констатировало начальство.

– Ни капли, – ответила, подбираясь всем телом. Плечи выпрямила сильнее, натянула заинтересованную полуулыбку на губы, сцепила руки в замок. – Что будет угодно?

– Переигрываешь, – неожиданно спокойно отмахнулся Малкин и закрыл глаза рукой. – Голова у меня разболелась. Найди таблетку какую-нибудь и свободна на сегодня.

– Давление скакнуло? – уточнила я. – Вы гипертоник? Или наоборот? Что обычно помогает?

– Зануда, – тихо, почти неслышно, проговорил шеф.

– Значит, предпочтений нет, – догадалась я. – Удивительно. В вашем возрасте и при такой профессии уже надо знать... Ой, спазмалгон сейчас дам.

Я осеклась, увидев неожиданно озверевшее лицо Сергеевича и, стащив с плеча сумку, закопалась в ней едва ли не по самые уши.

– Что ты там про возраст лепетала, Рыбкина? – все-таки спросил Малкин, при этом усаживаясь ровнее и хмурия брови все сильнее с каждой последующей секундой.

– А что такого? – Я не нашла в себе сил промолчать. – Все болезни молодеют. От инсульта сваливаются совсем молодые люди. Поэтому и сказала...

– И сколько, по-твоему, мне лет? – Он склонил голову набок, вскинул бровь, забарабанил пальцами по столешнице.

– Да откуда мне знать? – пожала плечами, при этом жадно разглядывая по-мужски красивое лицо босса. Морщинки нашлись только по внешним уголкам глаз да на лбу еле видная полоска. Седины не обнаружилось, цвет лица показался здоровым... Но карьеру он строил не один год, а больше десяти. Значит, лет сорок? Решив сделать человеку приятно, сократила насчитанные годы: – Тридцать пять?

Малкин неотрывно смотрел на меня, только пальцами барабанить перестал, отчего вокруг повисла зловещая тишина.

– Тридцать четыре? – похлопала ресницами я.

– Тридцать два, Рыбкина, – закатил глаза шеф, после чего резко оттолкнулся ладонями от стола и поднялся. – Сам таблетку найду, иди с глаз долой.

– Давайте я завтра в аптеку с утра зайду, – предложила, чувствуя себя виноватой, – куплю вам аппарат для давления, и тогда в следующий раз можно будет понять...

– Домой, Рыбкина! – завопил Малкин, указывая пальцем на дверь.

Меня словно ударной волной вынесло из кабинета, и очнулась у самого лифта.

Нажав на кнопку вызова, услышала сзади флегматичный голос секретарши Светочки:

– Давно он так ни на кого не орал, видно, сработается.

Дома я оказалась значительно раньше, чем в те времена, когда работала на Коршунова. Это приятно радовало и в то же время вызывало легкую растерянность. Слишком уж непривычно было видеть из окна собственной квартиры, как темнеет на улице. Радуюсь давно забытым ощущениям, я даже на подоконник влезла с ногами, поставила тарелку с подогретым спагетти на колени и прижалась лбом к прохладному стеклу, разглядывая прохожих внизу.

Прелесть.

Помню, сидела здесь же, готовясь к зачетам и экзаменам, зубря конспекты и иногда вскидывая голову, чтобы повить на луну от усталости. В институте у меня была репутация зубрилки. В то время как большинство сокурсников встречались друг с другом, переживали личные драмы и шумной толпой отмечали придуманные ими же поводы, я корпела над тетрадками. Иногда они просили пустить их ко мне в квартиру, но всегда получали категорический отказ. Нет, я любила общие праздники, но только в свободное от учебы время и без участия моей жилплощади. Не хватало еще разгребать потом за всеми мусор и проблемы с соседями.

«Зануда», – отчетливо прозвучал в голове голос Малкина. Но обидно не стало. Пожалуй, он очень верно охарактеризовал меня. А еще сегодня я была «мышкой». Это уже от звезды шоу-бизнеса, Макса Старовойтова. За серый костюм, молчание и очки на носу, наверное... Вот это неприятно. Определенно, шеф мне понравился гораздо больше глупого актеришки, сразу перешедшего с незнакомой девушкой на панибратские отношения.

В животе заурчало, и я, опомнившись, поняла, что пропустила момент, когда на город окончательно спустилась темнота, а спагетти безнадежно остыли. Пришлось греть повторно и есть их почти деревянными.

Решив вернуть себе настроение, набрала ванную с пеной и включила релаксирующую музыку. Даже пять минут успела покайфовать. Перед тем как телефон зазвонил.

– Алло, – буркнула я в трубку, даже не глядя на номер и собираясь по-быстрому отшить собеседника.

– Рыбкина? – голос мужчины на той стороне звучал удивленно. – У тебя что там, вода журчит?

– Кто это? – испуганно спросила я, пытаюсь сесть поудобнее и брызгаясь во все стороны. – Александр Сергеевич?

– Я. Давай выходи быстрее, машина у подъезда.

– Какая машина? – Я оторвала телефон от уха и посмотрела на экран. Девять часов вечера.

– Рабочая! – тем временем неслось из динамика. – У тебя пять минут! Валера, глуши пока двигатель, она там мыться изволит.

Связь оборвалась, а я все еще смотрела на телефон, не понимая, что это вообще было.

Затем медленно, словно во сне, отложила аппарат подальше, вылезла из ванной, вытерлась и принялась сушить волосы, постоянно поглядывая на экранчик. Вдруг показалось? Могло быть такое?

Спустя пять минут телефон снова зазвонил. Я бросила на него недовольный взгляд и продолжила красить правый глаз. Значит, не показалось, блин...

Когда зазвонил домофон, я уже бегала по квартире в нижнем белье, разыскивая колготы, помаду и очки.

О чем и сообщила шефу в динамик. Он милостиво дал мне еще минуту. Сволочь!

В общем, блузку застегнула, уже открывая двери, тогда же надела вторую туфлю и выбежала в ночь непонятно куда, непонятно зачем.

– Мы из-за тебя опоздаем, Ульяна Михайловна, – встретил меня у подъезда Малкин. – Макс просрет контракт на рекламу, и кто будет возмещать потери?

– Какие потери? – отмахнулась я. – Сейчас поздний вечер. Приличные люди спят уже.

– Так мы с приличными не работаем, – хмыкнул шеф. – А ты что говорила на собеседовании?

– Что?

– Работа – это святое, а личное время – блажь.

– Я так говорила? – поразилась, едва поспевая за Малкиным.

– Да. Немного иначе, но общий смысл тот же. Так что работаем, Рыбка, и не ропщем. Ясно? И рубашку поправь нормально, а то всю разницу между полами насквозь видно.

Он сел в машину первым, не придержав для меня дверцы, а я уставилась на собственную блузку, где расстегнулись или изначально оказались не застегнутыми пара пуговиц. На том самом месте, где сказал Малкин, чтоб ему икалось всю ночь.

– Трогай, Валера, – услышала, едва села в авто. – Моя помощница соизволила снизойти.

– Если бы вы меня заранее предупредили, – я повернулась к начальству и гневно сверкнула очками, – то не пришлось бы ждать. И ехать за мной тоже не пришлось бы. И...

– И? – вскинул бровь Малкин. А тон у него был такой, что захотелось поежиться.

– И... извините, – пробормотала отворачиваясь. Ведь действительно, меня предупреждали, что работа будет вне графиков. Так чего теперь строить из себя обиженную? – Сама, конечно, во всем виновата. Буду теперь знать...

– Ага, – довольно ухмыльнулся шеф, – в любое время, Рыбкина. Дня и ночи. Работа у нас такая, мы себе не принадлежим. А теперь по делу. Знаешь компанию «Русикон энд Ворм»?

– Нет.

– Они продают мужское белье.

– Качественное? – уточнила я.

– Чего? – Малкин пару раз моргнул. – Белье? Нормальное. Какая разница? Суть в том, что они наняли Макса для рекламы. Он сегодня сниматься должен.

– Не приехал? – предположила я.

– Типун тебе на язык. – Малкин бросил на меня настороженный взгляд. – Съемки в одиннадцать начнутся. Студия в полчаса езды отсюда. Так вот, пойдешь туда и отзвонишься, как только увидишь Старовойтова. Что, мол, Звезда на месте, отрабатывает бабло.

– Хорошо, – подавив зевок, кивнула.

– Если приедешь, а его там нет – звонишь мне. Я его, падлу, из-под земли достану.

– Может, сразу к нему на квартиру поехать? – предложила я. – Захватить его на съемки.

– Нет, – качнул головой шеф.

– Почему?

– Нет его дома, говорю.

Я чуть вздернула бровь и скривила губы. Честно говоря, не очень понимаю, чего так носиться с тем, кто ведет себя совершенно непрофессионально? Неужели нет других талантов?

Малкин на мою мимику отреагировал. Склонил голову, помолчал чуть, а потом неожиданно пояснил:

– Макс – машина, когда надо. Но в последние недели он работал слишком много, а потом сорвался немного на репортеров. Так что пришлось ему отпуск небольшой организовать. А Старовойтов и отпуск – слова не очень совместимые, нужно контролировать возвращение.

– Так вы его искать будете, если он на съемки не придет? – поняла я. – Ужас какой. Как будто вам это больше, чем ему нужно.

– Так и есть, Ульяна. Нам это нужно больше, чем ему. Его карьера – наша работа и наша забота. Он пролетит – мы за ним. Мордой в асфальт. Это ясно?

Меня снова отругали, вот что ясно.

– Да, – сокрушенно кивнула я, принимаясь правильно застегивать блузку. – Буду вам звонить и отчитываться, если его нет. Все поняла.

Студия обнаружилась не где-нибудь, а в одном из многочисленных строений на ВДНХ. И внутри триста квадратных метров, нашпигованных оборудованием.

За свои двадцать три года я всего один раз была на «профессиональной фотосессии». Так обозвал ее Генка, парень с моего потока. Он прошел недорогие курсы, купил аппаратуру с рук и решил создать себе портфолио. Пригласив меня в числе еще пятерых девочек на свою съемную квартиру, включил круглую лампу, прикрученную к штативу, натянул на стене золотистые шторы и вдохновенно щелкал на кнопку зеркального фотоаппарата, советуя, как лучше встать. Накрасились тогда мы сами, одежду принесли свою.

К слову, фотографии получились неплохими, но карьера у Генки не сложилась. Может, моделей выбрал не тех, может, свет выставил не в ту сторону – не знаю.

Помещение же, в которое сегодня нас привез Валера – водитель шефа, – оказалось огромным, освещаемым всевозможными лампами. Стены в нем были отделаны самыми разными фактурами, от белого лофтового кирпича и старой штукатурки до амбарной доски... Вдоль всего зала тянулись большие окна, к некоторым из которых шли ступени. Нашлись там и всевозможные декорации, в основном сдвинутые в одну кучу у левой стены.

В центре всего этого великолепия стояли несколько кожаных диванчиков и столик, на котором нашлись несколько бутылок воды, фруктовая ваза и большая пачка M&M's.

– Для Макса, – пояснил очень худой парень в широких, свалившихся до середины бедер джинсах. – Меня Джонни зовут. Я помощник Энтони. Он просто бог в искусстве фотографий, видела его работы?

– Конечно, – не задумываясь, соврала я. – Они потрясающие.

– А ты в теме, – улыбнулся Джонни, отчего кожа на его лице натянулась сильнее, и я четко разглядела небольшие трещинки у крыльев носа, удостоверившись в своем первом впечатлении – на лице парня лежала тонна тональника, а глаза были подведены карандашом.

Внезапно зазвонивший телефон прервал нашу беседу с помощником фотографа, и я, отбежав в сторонку, приняла вызов.

– Ну? – голос у шефа был раздраженным. – Он там?

– Нет, – ответила тихо, косясь на пятерых мужчин, толпящихся у оборудования рядом с центральным окном. – Но они пока не волнуются, время еще есть.

– Идиот хренов... – неразборчиво зарычал Малкин. Мне показалось, он стукнул смартфоном пару раз, потому что его слова слышались то громче, то чуть тише, прерываясь глухими «бдыщ».

Матом шеф владел виртуозно, ввинчивал его в предложения вместо запятых и точек, и для любимой Звезды слов не жалел.

– Ульяна! – наконец позвал он. – Мы едем в один клуб неподалеку. Уже подъезжаем. Если этот упырь появится раньше, чем я позвоню снова, сразу набери меня.

– Поняла.

– Не спи, Валера! – заорал Малкин в ухо, забыв отключиться. – Добавь скорости!

Мысленно пожелав водителю терпения и понимания, я вернулась к диванчику в центре зала и выжидаяще уставилась на дверь.

– Приветствую, – раздалось над ухом спустя минуту. Интонации нового голоса явно выдавали природу его носителя. Такие парни любят синий цвет и кофточки в обтяжку...

Вот и этот типаж, как и Джонни, был «в тренде»: имел полные губы, даже во время разговора вытягивающиеся «уточкой», идеальный цвет кожи и большие темные глаза. Невысокий, в фирменных кроссовках на платформе, в желтых брюках на подтяжках и клетчатой рубашке... Хотелось назвать его Карлсоном и поискать сзади пропеллер.

– Я Энтони, – чуть растягивая слова, пропел он. – Тот самый.

Мне протянули руку с таким видом и таким образом, что на миг я даже задумалась, не хочет ли он, чтобы я ее поцеловала?

Встав с диванчика, легко пожала на маникюрные пальчики «того самого» и, как можно раболепнее улыбнувшись, ответила:

– Для меня большая честь познакомиться с вами. Ваши фотографии – это просто произведения искусства.

– Так и есть, – не стал спорить с очевидным мой новый знакомый. – Я бы даже из вас мог сделать богиню.

Кашлянув в кулак, постаралась сохранить серьезность и не сильно обижаться на четко произнесенное им «даже из вас».

– Вряд ли. Я слишком... проста для всего этого, – ответила, обводя глазами зал.

Энтони вскинул брови, чуть обернулся, бросил взгляд на подготовленное для фотосессии оборудование и снова посмотрел на меня.

– А ну-ка, – он щелкнул пальцами, – встань к тому окну! Только... Рома! Сделай ей губы. Нарисуй что-то яркое. Глаза оставь как есть, и мне нравятся ее очки.

– Что? – вскинулась я, косясь на вход. Макса все еще не было, а время безжалостно шло вперед. – О нет, я не могу... Не надо. Я здесь не для этого, ребят. Эй...

Перед глазами возник еще один невероятный мужчина, теперь уже блондин. Крашенный. С чуть отросшими черными корнями, а может, специально так выкрашенными. Он схватил меня за подбородок и, чуть откинув голову назад, покрутил головой из стороны в сторону, при этом то слепо шурясь, то делая огромные глаза.

– Красный! – постановил мужик, после чего потащил меня за собой к столику у окна.

– Слушайте, я всего лишь помощница Александра Сергеевича. Seriously. Я просто жду...

– Мы все ждем, – отмахнулся Роман и, ткнув длинным ухоженным пальцем в Энтони, покачал головой: – Наш-то совсем на психе. А знаешь, какой он в гневе? Бр-р-р... Макс появится – сразу начнем работу. А пока скучно. Ну же, закрой рот! Угу... Ализариновый будет как раз к месту.

Мелькнул колпачок помады, в руках мужчины появилась кисточка, и меня снова схватили за подбородок.

– Идеально! – Спустя минуту Роман слепо шурился, разглядывая меня. – Дай руку, запишу тебе номер оттенка и фирму. Пользуйся, дорогая, я сегодня твоя добрая тетушка Фея.

Присутствующие, столпившиеся вокруг, дружно заржали, а я нахмурилась, собираясь сказать, чтобы прекратили самоуправство. Но увидела себя в зеркале слева и передумала. Отражение мне неожиданно понравилось. Обычно, если я и красилась, то основной экзекуции подвергались глаза, тогда как губы либо вообще не трогала, либо красила под естественный тон. Теперь же все было в точности наоборот.

– Ярко-красные, пухлые и сочные, как ягода в самом цвету, – прокомментировал подкравшийся со спины Энтони. – С таких только росу поутру собирать.

Я резко обернулась к нему и услышала щелчок. Мелькнул затвор фотокамеры.

– А теперь будь хорошей девочкой и встань у окна, котя моя. Вполоборота. Расстегни четыре пуговицы сверху, приспусти ткань на плечо, – неожиданно твердо скомандовал фотограф.

И спорить не захотелось. Почему, собственно, нет? Мы ведь все ждем Макса, и лучшее, что я могу сделать – это немного развеять их скуку, позируя. Мне не сложно, а им нравится.

Все сделав по инструкции, посмотрела в объектив. Новый щелчок. Новые команды. И еще, и еще... Бокал пенистого шампанского в моих руках... Команда: «Ну-ка, пригуби, зая моя!» Снова стою в пол-оборота, теперь смеюсь, чуть откинув голову назад. На бокале след от красной помады.

– Волшебнo, – комментирует Энтони. – Вот вам и помощница для Несмеяны! Прелесть!

– Для кого помощница? – удивляюсь я.

– Для Несмеяны, – хихикая, отвечает Джони. – Ты что, не знаешь? Это тайное прозвище Малкина. Из него улыбку только миллионным контрактом выжать можно и хорошими рейтингами. Сочувствую тебе.

Я пожалала плечами и собиралась сказать, что почти его не знаю, но он не показался мне таким уж злодеем. И не успела.

– Вот это да! – Макс Старовойтов хлопал в ладоши. Стоял прямо за плечом фотографа и улыбался от уха до уха. Синеглазый, блондинистый и притягательный. – Хороша! Энтони, ты просто творец! И ведь ничего особенного – только губы красным... Вот за что я тебя обожаю: ты фееричен, брат!

Фотограф польщенно растянул пухлые губы, затрепетал ресницами и закатил глаза.

– Лысец, – проговорил с придыханием. – А с другой стороны – все правда!

– Хватит болтать!

Малкин в ладоши не хлопал.

Стоял позади всех, смотрел зло и перебирал пальцами правой руки нечто вроде четок. А мне вдруг стало стыдно за свое поведение и за то, что стою у окна перед мужчинами со спущенной почти до пупка блузкой, с полным бокалом... И еще эта помада...

– Испортил нам все веселье! – вступил в разговор Роман. – Засмутил девочку.

– Этой девочке платят за работу, – тихим ледяным голосом сообщил шеф, в то время как Макс снял с себя кожаный пиджак и спокойно расстегнул пояс на джинсах.

Сбежав «со сцены», я натянула блузку, плотно запахнув ее на груди, и поставила бокал на столик.

– Простите, Александр Сергеевич, увлеклась, – проговорила едва ли не шепотом с самым виноватым видом, при этом встав так, чтобы не смотреть на уже почти голого Макса. – Просто стали возникать вопросы, где Звезда, и я решила, что неплохо было бы отвлечь их...

– И развлекься самой, – закончил он, не сводя с меня сурового взгляда.

Нервно дернув плечами, я упустила ткань блузки, отчего на пару секунд оказалась всей «душой нараспашку» перед шефом.

– Ох! Блин... Это случайно... – проговорила тихо, спешно застегиваясь. – Но я не выпускала ситуацию из-под контроля.

Малкин молчал, а я все никак не решалась посмотреть в его глаза, продолжая терзать пуговицы блузки. Пока Старовойтов не выкрикнул громко: «Работаем!» Тогда я вздрогнула и подняла глаза. Шеф больше не хмурился. Наоборот, смотрел как-то странно, слишком внимательно, что ли?

– Поехали, – заявил он. – Теперь Макс отработает на все сто.

– А... попрощаться не нужно? – только и спросила я, спеша за начальством, ухватившим меня за запястье.

– Нет, они слишком заняты процессом. Отвлечешь – еще и влетит. Творческие люди могут быть очень милыми на вид, но они полные шизофреники, Ульяна, если мешать им работать.

Мы вышли на свежий воздух, и я с удовольствием вдохнула ночную прохладу. Лишь спустя пару шагов набралась смелости и уточнила:

– Вы нашли его в клубе?

– Угу, – Малкин кивнул и отпустил мою руку. Развернулся быстро, преградив дорогу, и заговорил тоном, от которого мурашки побежали по спине. Не то от страха, не то от... Да нет, от страха, конечно. – Так, Рыбкина, не знаю, что тебе сказала Регина, но, похоже, ты либо слушала невнимательно, либо тебе неправильно донесли мои требования. От подчиненных я не терплю своенравия, хамства или замечаний в свой адрес; не принимаю на работу девиц с романтическим бредом в голове; не объясняю того или иного своего решения, но требую четкого исполнения своих приказов. Если прошу сидеть на месте и ждать, то надо сесть и ждать. Это ясно?

– Да, – с готовностью кивнула я.

– Что «да», Рыбкина? Ты осталась в студии ждать появления Макса, а в итоге я нашел тебя фотографирующейся с шампанским в руках.

– Исправлюсь, – еще активнее закивала я. – Больше не повторится.

– Уверена?

– На все сто!

Он скривился. Не поверил, кажется, ни слову.

– Уволить бы тебя, Рыбкина, – проговорил, снова перебирая четки в руке, – но, с другой стороны, с задачей ты справилась. Хоть и весьма своеобразным образом. Энтони не кипишевал, проценты за простой не требовал, даже наоборот – остался доволен. Так что, считай, тебе повезло. На первый раз. Но на будущее...

– Спасибо, – сказала я, улыбаясь во весь рот, – будущего не будет! Ой, то есть в будущем такого не будет...

Малкин покачал головой, и его взгляд вдруг съехал с моих глаз на губы.

– Я сейчас сотру, – заверила его, вспоминая про помаду и моментально возвращая скорбную серьезность на лицо.

– Оставь, – хмыкнул шеф. – Буду тебя по яркому пятну на лице от других сотрудников отличать.

Я даже не нашлась, что сказать на этот выпад.

– Но вот что, Рыбкина, – продолжил он тем временем, – купи себе водлазок, что ли. Без пуговиц и вырезов. И завтра на работу заграничный паспорт принесешь, Регине отдашь с самого утра. Командировка у нас намечается. Длительная. Если обманула насчет парня, лучше сразу его брось, потому что он тебя все равно вряд ли дождется.

– Нет парня, – радостно улыбнулась я. – Некому меня ждать.

– Очень хорошо. Хоть чем-то порадовала, еще внеплановых соплей и истерик мне не хватало. – Отворачиваясь, Малкин позвал за собой в машину: – Поехали, домой тебя забросим.

Глава 3

Будильник надрывался третий раз, когда я все-таки соизволила сесть на постели. Рывком. Применив недюжинную силу воли.

Глаза открываться не хотели, лишь щурились, пока не залила в себя литр кофе. Впрочем, взбудрил меня все же не волшебный напиток из потрясающе пахнущих зерен, а телефонный звонок.

Ответив на вызов от неизвестного номера, я некоторое время слушала громкое сопение и уже собиралась сбросить звонок, когда из недр смартфона раздался мат. Голос был смутно знаком, а комбинации слов поражали богатым арсеналом.

– С-сука, – завершил Макс очень длинное предложение. – Эй, ты там?

– Я?! – даже обалдела от такого приветствия. Уж лучше бы мышкой звал.

– Ага. Привет, мышка, это Макс.

А нет, не лучше. Я медленно вдохнула побольше воздуха и громко выдохнула.

– Доброе утро, Максим Андреевич. Напомню, меня зовут Ульяна Михайловна. Чем могу...

– Можешь, родная, можешь! – прервал меня он, даже не думая дослушивать до конца. – Мы тут со съемкой только пару часов как закончили, и я домой уехал. Ну и, похоже, в такси портмоне оставил. Сколько ни искал в квартире – ничего не нашел. А там вся наличка. Короче, машину вызвать не могу, а через час позарез надо быть в одном месте... Выручай, мышка, дуй ко мне!

– В смысле?

– Ну, ты же за рулем?

– Нет, я на метро, – ответила, допивая последний глоток кофе.

В телефоне снова послышался мат.

– Почему бы вам не позвонить Александру Сергеевичу? – резонно предложила я, глядя на настенные часы. Стрелки показывали шесть тридцать утра.

– Не хотел его беспокоить из-за ерунды.

– А меня хотели? – Я снова посмотрела на часы. – Ладно, какие-то карточки у вас остались? Переведу денег на такси. Вы в курсе, что за поездки можно платить электронно?

– Да ты ж моя прелесть. – Старовойтов запыхтел, зашуршал чем-то. И, кажется, откусил большой кусок яблока, что отразилось на его дикции: – Как я сразу не пожумал? У меня же крежиток полно. Потом пополню. Целую, шолнце!

Короткие гудки уведомили меня о конце разговора.

После такой беседы я внезапно почувствовала себя бодрее и вдвое активнее засобиралась на встречу к Несмеяне.

* * *

– Доброе утро, Регина Петровна, – прошмыгнув в кабинет, сразу протянула кадровичке заграничный паспорт. – Шеф сказал принести документы для командировки.

– Ты с ними полетишь? – Женщина на миг оторвалась от зеркала, в которое смотрела, пока красила ресницы. – В Израиль?

– В Израиль? – радостно-шокированным эхом повторила я. – Ничего ж себе! А у меня и купальника нормального нет.

Регина не то хмыкнула, не то фыркнула и вернулась к прерванному занятию, тщательно делая глаза еще более выразительными.

– Можно подумать, ты туда отдыхать едешь, – буркнула она, придиричиво разглядывая отражение. – С нашим-то не забалуешь. Он со Старовойтовым носится, как нянька. Всех клиентов раздает другим агентам, лишь бы Макс больше времени уделять. Потенциал, говорит, в нем. А сам ночами ездит по клубам, вылавливает своего одаренныша.

Я отвела глаза и задумчиво уставилась в окно. Второй день работы в фирме вроде как не позволял секретничать с персоналом и высказывать собственное мнение, тем более относительно собственного босса и его протеже. Но слушала я с интересом, пока не поняла, что это как раз меня выводят на откровения.

– Ну? – Регина отложила зеркало и уставилась на меня не мигая. – Отработал вчера Макс фотосессию? Или прошляпил? Колись.

– Отработал, конечно, – очень натуралистично удивилась я. Ага, так и раскололась, нашла дурочку. – Все как по маслу, заказчики довольны по самое не хочу. И шеф счастлив.

– Мм-м, – разочарованно поджала губы кадровичка, – все равно этот Старовойтов еще попьет вашей кровушки, помяни мое слово. И ты, кстати, будь с ним осторожней, он молодых красивых мимо не пропускает. И приемы одни и те же: то приболел – привезите лекарства, то ключи от квартиры потерял – возьмите запасные под ковриком и освободите мученика... И Светку так заманивал, и Каринку из правового отдела. Хотя тебя, может, и не заметит.

– Почему это? – сразу обиделась я. Красавицей меня, конечно, не назвать, но и уродиной себя тоже не считала.

– Ой, да не бери в голову, – подлила масла в огонь Регина, – это я так ляпнула. Не проснулась еще. Может, принесешь кофе с кухни? Шефа еще нет, выпьем по чашечке.

Само собой, и ковриком у твоих ног лягу, чтоб ты туфли вытереть могла при входе.

– У меня и без начальника дел по горло, – сказала как отрезала, слегка задирая нос. – В Израиль надо собираться. Пойду закажу пару шмоток в магазине. Там же жара ужасная. И море опять-таки под боком, в какой город ни сунься. Так что пора мне. Но, если будете кофе делать, захватите и на меня? И заходите, пока шефа нет.

У Регины от моей наглости рука дрогнула, и кисточка от туши вонзилась во внешний уголок глаза. Она зафырчала, зашипела, а я медленно вальяжно вышла, прикрыв за собой двери.

И уже собралась уйти от кабинета кадровички, когда услышала злое:

– Моль паршивая! Возомнила о себе бог весть что! Ладно, Малкин ее быстро с небес на землю вернет. Будет ей и море, и жара... и пот градом!

Поднявшись на свой этаж, я вышла из лифта и кивком поздоровалась со Светланой, как раз положившей трубку телефона. Та ответила тем же и проводила меня любопытным взглядом, едва не свернув шею.

Я сделала вид, что ничего не заметила, но поняла: Регина уже созвонилась с секретаршей и доложила обстановку. Что-то вроде: «Моль зарвалась, как бы ее на место поставить?» Моль... вот как она меня назвала.

Интересно почему? Да, я бледная, светловолосая, в очках, а серый костюм меня не очень красит, но невзрачной от этого вроде как не смотрюсь. Или?.. Остановившись у кабинета Малкина, вынула дубликат ключа, врученный им вчера, открыла двери и вошла внутрь. Сразу направилась к зеркалу.

Да-а-а... Красной помады, подобранной Романом, не хватало. Но, с другой стороны, я ведь на эту работу пришла не для того, чтобы мужикам нравиться? Нового опыта захотелось, попробовать себя в другой сфере труда. И, что немаловажно, Старовойтов мне как раз позволил. Этим утром он просил приехать, чтобы привезти ему наличку. Бредовый подкат, но, наверное, со многими подобное срабатывает. Звонит Звезда, дает повод приехать, так зачем думать? Интересно, Светочка ездила к нему?

За своими мыслями едва не пропустила звук шагов позади. Обернувшись, увидела Малкина, серьезного, собранного и хмурого – в общем, такого же, как и вчера, и в день собеседования.

– Кофе! Две ложки сахара, без молока, – поздоровался начальник, кидая кожаный портфель на кресло. – И побыстрее!

– Бегу, – отозвалась, натягивая на лицо приветливое выражение. – А печенье?

– Угу.

Многословный Малкин уже включал ноутбук и одновременно набирал кого-то в своем айфоне.

На кухне обнаружилась Регина и «ко». Компания состояла из Светочки-секретаря и той самой, упомянутой ранее, Карины из правового отдела. Обе высокие, красивые, длинноногие и самоуверенные. Будь я одиноким мужиком – сама бы им позвонила...

К моему удивлению, кадровичка повела себя по отношению ко мне миролюбиво. Увидев, сдержанно кивнула и попросила зайти к ней завтра в конце рабочего дня, дабы получить зарплатную карточку. Долларовую. Сделанную по ускоренному заказу.

При этом две другие девицы отвернулись, перешептываясь, а ее взгляд блуждал по мне потерянными глазами, прицельно замирая то на груди, то на лице, то на туфлях.

– Спасибо большое, зайду, – ответила я, нервно поправляя очки. От столь неприкрытого внимания стало не по себе. – А почему долларовую?

– Так ведь вы с... эм-м, – тут Регина многозначительно скривила губы, пытаясь родить улыбку, – Александром Сергеевичем летите в Израиль. Хотела сказать с нашим, но, быть может, это лишнее?

Я вскинула брови и подождала пару секунд пояснения. Его не последовало.

– Почему же? Говорите «нашим», даже можете его «вашим» называть. Как привыкли, так и делайте, – сказала и ринулась делать боссу обещанный кофе, пока он сам за ним не пришел, громко ругая нерасторопную Рыбкину.

– Заказали уже купальник? – обернулась Карина, озаряя кухню белозубой улыбкой. – Что-то откровенное нужно. Пафосное. Все-таки через Тель-Авив летите.

Включив нужную программу для варки кофе, я пожалала плечами и, продолжая смотреть перед собой, а не на собеседниц, ляпнула:

– Малкин сказал, что выберем все на месте. Чтоб я время не тратила здесь. Он же без меня как без рук.

Прекрасный женский коллектив затих. Мне кажется, они даже дышать перестали. Только шеи немного повывагивали вперед в ожидании пикантных подробностей.

– А я ему и говорю, – забрав чашку с кофе, обернулась к дамам. – «Как скажете, начальник. Только я тех мест совсем не знаю, где там соответствующую одежду купить – понятия не имею...»

– А он? – нетерпеливо кивнула Карина.

– Вот так сделал, – и я щелкнула пальцами на манер шефа, криво улыбаясь. – Решит, значит.

– О-о-о, – протянула Светочка, испуганно глядя на Регину. – Делай карточку. Лучше с этим не тянуть.

– Смотри, – Карина вздернула длинный указательный палец вверх, – поиграет с тобой и бросит. Потом наплачешься.

– Знаю, – горестно вздохнула я. – Но это же Израиль.

И с этими словами, прихватив их же печенье, покинула кухню под осуждающе-завистливые взгляды коллег.

Не знаю, для чего разыграла весь этот спектакль. Глупость, конечно, несусветная, но они так бурно реагировали, что отказать себе в удовольствии уже не получилось.

Малкин встречал меня задумчивым взглядом, словно уже догадывался, что я половине дам растрепала про его ко мне интерес, и даже подыгрывал.

– Рыбкина, – почти ласково начал он, стоило войти в кабинет, – а на чем ты сегодня приехала?

– На метро, – ответила, выставляя перед боссом желаемый им напиток и печенье.

– С этим надо что-то решать. – Он нахмурился, потер подбородок и отпил кофе.

А я вдруг заподозрила неладное. С чего бы шефу волноваться о моем комфорте? Вдруг и правда домогаться решил?

– Мне тебя сегодня в четыре места надо, – продолжал говорить Малкин, а у меня все шире раскрывались глаза. – Или даже в пять.

Глянув на меня задумчиво, постучал по столу открытой ладонью, кивнул сам себе и завершил монолог:

– В пять мест.

Во мне проснулась всегда спящая до этого момента извращенка. Подняла голову, сладко потянулась и начала предполагать места, похотливо улыбаясь и загибая тонкие пальчики.

– Придется делить с тобой Валеру, поедешь на нем, – окончательно добил большую фантазию Малкин. – Бери его сейчас, а я заберу после обеда.

– Я на Валере? – тряхнув головой, призвала всю оставшуюся ясность ума. – Куда?

– Вот здесь список. И еще... сейчас допишу.

Александр Сергеевич быстро чиркал ручкой в блокноте, после чего вырвал оттуда листок.

– В первых трех заберешь документы, в четвертом Старовойтова, отвезете его вот сюда, это на Киевской. Проконтролируй, чтоб он вошел. Там все документы сдашь под роспись Захару. Я его номер на всякий случай написал. Если что – звони. Чего стоим, Рыбкина? Благословения ждем?!

– Да! То есть нет. Все, бегу! – перехватив листок, взяла свою сумку, сорвала с вешалки пиджак и отправилась выполнять задания. На Валере.

Боже, лучше бы я поехала на метро. Городские пробки убивали отсутствием просветов, а Валера – заунывными речами. Почему-то именно во мне он нашел благодарного слушателя и вещал о надоевшей теще, приехавшей «на пару дней» две недели назад и плотно обосновавшейся в их с женой спальне.

Три места, в которые заслал меня босс, были благополучно посещены нами лишь к одиннадцати часам. И я уже почти вздохнула с облегчением, когда поняла, что впереди самое важное: доставить нашу звезду на место, и расслабляться рано.

Старовойтов ждал нас, привалившись к высокой колонне и глядя в сторону прекрасного. Оно, то самое неземное и притягательное, выглядело как девушка ростом чуть выше среднего, с большой грудью, маленькой юбкой и длинными черными волосами, убранными в высокий хвост. А еще у нее были поводок и миниатюрная собачка с хвостом на лбу.

Я попросила Валеру посигналить, но Макс на нас не реагировал. Он гипнотизировал взглядом хозяйку пса. Та с удовольствием поддавалась, улыбалась, переминалась с одной длинной ноги на другую и стреляла глазами. Ими же чуть меня не убила, когда я все-таки вышла из машины и пощелкала пальцами перед лицом Звезды.

– Мы приехали, – сообщила недоуменно сдвинувшему брови Макс. – И готовы следовать дальше.

– О, привет, Ульяна Михайловна, – признал меня Старовойтов. Тут же его лицо преобразилось, являя собой пример радушия и оптимизма. – Богатой будешь, Рыбка.

Я закатила глаза к небу, кивнула, цыкнула и пошла к машине, провожаемая яростным взглядом собачки и ее хозяйки.

– Не приехала ко мне с утра, – упрекнул меня Макс. – Черствая ты, неотзывчивая.

– Вы же сами сказали, что карточка с деньгами имеется. – Я пожала плечами и села на заднее сидение авто.

– Двигайся, – Старовойтов пригнулся и замер лицом к лицу со мной. – Меня спереди укачивает.

– Давно ли? – подал голос Валера.

– Вот сейчас начало, – даже не думал оправдываться Макс. Усевшись рядом, он положил руку на спинку кресел и, улыбаясь, молча уставился на меня.

– Что? – не выдержав, спросила я.

– Нравись ты мне, Ульяна Михайловна. Хорошенькая – не могу. Но злая. Брови вон как свела и не думаешь совсем, что от этого морщины быстрее проявятся. Все работаешь, бегаешь, отдохнуть некогда. А я знаю прекрасный способ расслабиться.

– Я знаю, что вы знаете, – хмыкнула, вспоминая девицу в его квартире. – Только мне не до этого.

– Не до перекусов? – Макс вздохнул. – Жаль. Есть хочется – сил нет. Сейчас, кажется, даже шаурму уличную съел бы.

В животе тут же заурчало.

– Не положено, – буркнула я то ли своему желудку, то ли Максиму. А скорее, им обоим. – Хватит с меня нарушений. Александр Сергеевич машину ждет.

– Пф-ф. Нудная ты, Рыбка. – Старовойтов убрал руку из-за моей спины и заложил обе себе под голову. – Скучно с вами.

– Зато работа есть, – тихо проговорил Валера, будто самому себе.

– Работа – это еще не все! – Макс прикрыл глаза. – Разбуди меня, Михална, когда на место приедем. Лучше всего поцелуем. Я тогда, как принц, стану волшебным на всю голову и сцену отработаю на пять. Ты же должна меня вдохновлять, в конце концов?

Он громко зевнул, чуть отвернул голову и почти сразу засопел, провалившись в сон. А я еще некоторое время невольно любовалась Старовойтовским профилем. Хорош ведь, зараза! Пока Валера не захихикал, глядя на меня в зеркало заднего вида:

– Вот ведь дает, – пробубнил водитель, качая головой. – И как он это делает? Все девки на него так смотрят, как будто лучше еще никогда не видели.

– Харизма, – пожала плечами я. – Недаром он востребованный актер.

– Востребованный он благодаря Малкину, – уже серьезнее ответил Валера, – и понимает это. Вот и считается с ним, а ворчит просто из вредности. Остальных ни во что не ставит. Так что лучше держись на расстоянии, а то потом будешь реветь с нашими бабами в агентстве. У них там уже кружок униженных и соvrащенных.

Я тихо рассмеялась.

– Что, даже Регина Петровна туда вошла?

– Вошла, – закивал Валера. – Без приглашения. Эта просто все про всех знать хочет в подробностях. Вообще, девчонки в агентстве хорошие, но половина еще не замужем, вот и смотрят на каждую новенькую, как на потенциальную соперницу.

– На меня не смотрят, – улыбнулась я. – Какая из меня соперница в этом костюме и без косметики? Я на работу пришла, а не романы крутить.

– Вот это ты молодец! – закивал водитель. – Здравомыслишь. Главное, не сходи с намеченного пути, Уля, а то перемелют тебя жернова любви.

– Как вы поэтично выражаетесь, – удивилась я, снова улыбаясь.

– Так я Максима Андреевича по репетициям и съемкам вожу, а он в машине тексты учит. Скоро сам играть смогу не хуже.

Так, за непринужденной болтовней, мы приехали в небольшой, хорошо охраняемый коттеджный поселок. Я толкнула Макса локтем и томно прошептала на ухо: «Прибыли, ваше высоко-

чество». Старовойтов раскрыл глаза, перевел на меня настороженно-сонный взгляд и плотно улыбнулся:

– Будешь моей Золушкой, Михална?

Сделав надменное лицо, я усмехнулась на манер начальства и покачала головой:

– Вы путаете героев, Максим Андреевич. В этой сказке я помощница Феи.

Он вскинул обе брови, миг – думала, обидится, нахамит, а он заржал, откинув голову.

– Ну даешь, Рыбка, – проговорил, отсмеявшись, – так Золушка – это я? Хорошо, ее играть еще не приходилось.

Подмигнув мне, он вышел из авто, подал мне руку и повел в трехэтажную домину через ухоженный, засеянный низкой травой луг. Там всюду сновали люди, в некоторых местах были установлены декорации, прямо напротив главного входа стояла камера и слышался отборный мат. Как выяснилось, именно здесь тот самый Павел снимал сериал, в котором Малкин выбил роль нашей звезде.

Старовойтова быстро заметили и увели куда-то в недра коттеджа, а я еще какое-то время бродила вокруг, открыв рот и спрашивая, где тут у них Захар. Номер, что дал мне Малкин, не отвечал, так что пришлось справляться своими силами. Очень сложно было выглядеть собранной и серьезной, оказавшись в волшебном мире кино. То и дело я натыкалась на актеров, мелькающих в зомбоящике. Телевизор я смотрела очень редко, но, попадая домой, часто включала его фоном, пока переодевалась, ужинала и укладывалась спать, так что кое-кого даже узнала поименно.

– Нормально?! – возмущенно закричала одна из таких девушек, когда я налетела на нее, старательно разглядывая мужчину, переодетого в костюм восемнадцатого века и влезającego на козлы самой настоящей кареты.

Быстро обернувшись, собиралась извиниться перед той, кому наступила на ногу, но не успела, попав под шквал недовольства:

– Какого лешего левые люди на площадке?! Где вообще Гена?! Гена, твою мать!!! Иди сюда и займись уже тем, за что тебе платят бешеные бабки!

Меня обошли, тыча длинным пальцем в кончик носа. А от коттеджа отделился амбал ростом метра в два не меньше. Клянусь, раньше он сливался со стеной.

– Спокойно, Гена! – успела выпалить я, прежде чем меня выперли за ворота. Лицо у «секьюрити» было с настроением «кирпич», поэтому в его дружелюбии я очень сомневалась. – Меня прислал Малкин. К Захару.

Машина, собранная из костей и горы мышц, остановилась в полушаге, громко сопя и хмурясь.

– Малкин?

– Он, родимый, – закивала я. – К Захару. Отведете меня, Ген... надий?

Мужик задумчиво осмотрел меня с головы до ног, понятиливо хмыкнул и уже совсем другим тоном проговорил:

– Вижу теперь, что от Александра Сергеевича. Так бы сразу и сказали.

– Конечно, сказала бы. Но возможности не представилось.

– Это Вика Нейвар. – Гена хмуро покосился в сторону кареты, где как раз сновала та самая девушка, оборавшая меня с головы до ног. – У нее главная роль в сериале.

– Понятно. – Я одной рукой прижала к груди документы, а вторую протянула Гене: – Будем знакомы. Рыбкина Ульяна Михайловна. Ну что, Геннадий, станете моим гидом на час? Очень нужно передать бумаги по назначению, но совсем не хочется нарваться на очередную Нейвар.

На третьем этаже особняка нашелся Захар. Щуплый, мелкий, с вытянутым лицом и глазами-лупами, в смысле очки у него были с очень крупными диоптриями. Наши взгляды встретились, и тонкие губы оппонента растянулись в пугающей улыбке. Я увидела сразу два ряда

отбеленных, на удивление крупных зубов, собралась с духом и ответила примерно так же. Аж рот заболел от радушия.

– Рыбкина Ульяна Михайловна, – протянув папку с документами, представилась я. – От Малкина. Принимайте.

– Очень хорошо. Принимаю! – меня плотно осмотрели. – З-замечательно.

– Документы, – напомнила я, помахивая папкой.

– Угу. А не выпить ли нам чашечку кофе? – Захар жестом фокусника стащил с ближайшего стола белую ткань, под которой прятались термос и пицца. Горячая. Запах я почувствовала даже за несколько шагов от еды. – Как раз собирался обедать.

– Нет, – удрученно ответила я, вспоминая гневное лицо Малкина, трясущего перед моим носом списком мест для поездки, – мне нужно ехать.

– Жаль, – посетовал мужчина. – Но я здесь буду каждый вторник до середины июля. Заходите.

– Обязательно, – не стала прощаться я. Мало ли, снова Старовойтова привезем, или дела какие-то будут. – Всего хорошего.

Покидая Захара, немного взгрустнула по поводу того, что вот такие мужчины на меня и клюют. Неказистые и... странные, что ли? И только собралась расстроиться, как Геннадий, громадной тенью шагающий рядом, оповестил:

– Кажется, вы Грому понравились. Кому скажу – не поверят.

– Могу и обидеться, – честно предупредила охранника.

– Почему? А, вы же не знаете его. Громов Захар – это исполнительный продюсер сериала. И еще пары картин. Каждый рубль через него проходит. Орет на всех как ненормальный и вечно недовольный. Я вообще первый раз сегодня видел, как он улыбнулся.

– То-то он меня так оскалом напугал, – понятиливо хмыкнула я. – Просто с непривычки человек. Что ж, приятно. Наверное.

На этой чудесной ноте мы с Генной попрощались, и я почти ушла за ворота коттеджа. Почти. Меня остановили звук выстрела и крик той самой Нейвар, которой я оттоптала дорогие туфли:

– Будьте вы прокляты, Измайлов!

Пришлось вернуться. Буквально на минуточку.

Протиснувшись сквозь толпу, уставилась на переодетую актрису, стоящую на коленях возле «умирающего» мужика. На ее партнере были надеты рубашка, жилет и очень забавные штаны, облегаящие все на свете. Признаться, на это «все» я и смотрела, размышляя, насколько бедняге удобно, когда раздался голос Старовойтова:

– Он не заслуживает вас, Марго! – низкий, чуть хриплый голос пробирал до мурашек. Сам же Макс появился откуда-то слева в костюме, похожем на старинную военную форму, и остановился рядом с каретой, у которой устроилась продолжающая правдоподобно стенать Нейвар. – Я ведь говорил, что вернусь. За вами. За тобой...

Я аж загляделась! Прелесть, как хорош, гаденыш.

Рядом с ухом что-то зажужжало. Я едва успела отодвинуть голову, и мимо проехала камера на длинном штативе, видимо, снимая сцену крупным планом.

– Я никогда не стану вашей! – Нейвар вскинула заплаканное лицо и, уставившись на Макса, сообщила трагичным тоном: – Если бы вы любили меня, то никогда не поступили бы так с Жоржем!

– Прелесть моя, – Старовойтов озарил площадку саркастичной усмешкой. – Разве я говорил о любви?

– Стоп! Снято!!! Прекрасно! Готовимся к сцене задержания Измайлова. Ну прекрасно же! Обожаю работать с профи. Вика, солнышко, это было восхитительно!

– Знаю. – «Солнышко» вскочило на ноги, едва не отдавив возлюбленному Жоржу руки, и зашагало к пластмассовому столику, уставленному бутылками с водой. – Ну и жара! Работать невозможно в такую погоду.

– Так уволься, – заржал подошедший следом Старовойтов. – Замена найдется.

– Макс! – одернул нашу звезду низкорослый полный мужчина, кричавший до этого «снято». – Идем-ка со мной, родной. На два слова.

– Ставлю косарь – ничего не добьется, – зашушукались молодые люди рядом. – На Старовойтове где сядешь, там и слезешь. Говорят, его Малкин прочно в оборот взял, вот Нейвар и бесится.

Еще немного послушав о том, какой скверный характер у Макса и насколько крутой у меня начальник, посмотрела, как меняют соседнюю декорацию, устанавливая в качестве фона высокую фанеру, окрашенную в зеленый цвет. Туда же пригласили переодетую массовку для съемки другой сцены, пока Нейвар отдыхала и набиралась сил.

– Дайте Васе пистолет! – слышалось сбоку. – У него реквизит пропал! Кто скоммуниздил оружие у Пименова?! Чем ему, мать вашу, стрелять в нападающих?! И где собака?

Уходить с площадки категорически не хотелось. Я глазела по сторонам, открыв рот и совершенно позабыв о цели визита. Пока Малкин не позвонил.

– Рыбкина, – тихим спокойным голосом заговорил начальник, едва я пробормотала приветственное «алло», – я тебя не отвлекаю?

Встав по стойке смирно, невольно огляделась вокруг, не снимает ли какая-то из камер сейчас специально для шефа, как проводит время подчиненная. Затем, тряхнув головой, развернулась на выход.

– Нет, Александр Сергеевич, – затараторила, несясь прочь из коттеджа со скоростью, которой позавидовал бы сам Супермен. – Все сделала, как вы велели. Документы собрала, Максима Андреевича на съемки доставила, Захару папку передала! И уже еду назад!

Хлопнув дверью автомобиля, разбудила дремавшего Валеру.

– У вас тридцать минут, – донеслось из телефона.

– А пробки? – попробовала надавить на жалость я.

– А пробки объезжайте, – посоветовал Малкин, сбрасывая вызов.

– Двадцать минут, Валера, – повторила для водителя с мольбой во взгляде, чуть сократив время. – Домчим?

– Шутишь? – усмехнулся он. – Тридцать – минимум.

– Моя карьера в ваших руках, – выдохнула, пристегиваясь.

– В моих руках только баранка, Уля. А вот ты могла бы и побыстрее справиться. Загляделась, наверняка, на актеришек этих?

– Грешна, – повинулась, даже не собираясь отрицать. – Но теперь я с ними точно завяжу! Все. Честно.

– Конечно, завяжешь, если Сергеевич тебя уволит. Ладно, не дрейфь, домчу с ветерком, но ты уж учись на ошибках.

– Я кремень, – закивала, сжимая кулаки. – Куда бы ни послали, буду думать только о задании.

Валера покосился на меня, заржал и утопил педаль газа в пол, выполняя обещанное.

Через двадцать восемь минут я вбежала в лифт, поправляя на ходу костюм и вспоминая все молитвы, что знала. Кончилось первыми строчками из «Отче наш», остальное пришлось договаривать своими словами.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – закончила я, когда распахнулась дверь лифта.

– И по дереву постучи, – раздался до боли знакомый голос.

Малкин выразительно посмотрел на мой лоб, намекая, где найти дерево, и вошел в кабину, не дав мне ее покинуть.

– Уезжаете уже? – едва скрывая радость, осведомилась, глядя, как закрываются двери.

– Когда вернусь – не знаю, – кивнул начальник. – У меня на столе лежат папки с пятью делами, на верхней – стикер с номером телефона, позвони по нему. Скажи Эмилю, что присланное портфолио никуда не годится, пусть переделает. Потом все дела отнеси Рогову на второй этаж. Скажи, три снизу – самые перспективные, пусть их пробивает в первую очередь. Дальше. У Светы есть копия моего расписания, непонятно, почему ты все еще не занялась им сама. Заберешь, познакомишься, сделаешь то, что помечено синим. Позвонишь в гостиницу Тель-Авива, проверишь бронь на послезавтра. Напомни, что у Макса в номере обязательно должна быть ванная. Так, что еще?..

Мы вышли из лифта. Я бежала следом за Малкиным, записывая указания на собственной ладони наспех найденной ручкой.

– Закажи столик на вечер в хорошем ресторане. На троих. Часов на шесть. – Шеф остановился рядом с машиной, задумчиво постучал по ручке двери и добавил, глядя на меня в упор: – С помадой было лучше, Рыбкина.

На том и распрощались. Я кивала, как болванчик, не сразу сообразив, о чем была последняя фраза. Даже записала на запястье: «С помадой лучше».

Чертыхнувшись, махнула рукой и поплелась в офис, мысленно добавляя к списку покупку нескольких блокнотов и заказ пиццы. А то в таком режиме и скопытиться недолго.

Время за работой летит не то что незаметно, а со скоростью света. Собственно, когда свет в коридоре погас, я и поняла, что увлеклась. Даже самые упертые трудоголики сбежали не попрощавшись.

Глянув на часы, поняла, что Малкин был прав – если бы у меня был парень до устройства на эту работу, он бы уже обрывал телефоны и закатывал скандал. Начало девятого. Вот вам и знакомство с расписанием шефа. День выдался просто дико загруженным, а ведь я взяла на себя лишь треть из запланированного им на сегодня – то, что шеф лично отметил. Как бедолага справлялся без помощника, уму непостижимо. Впрочем, нет, бедолага – это я! И мне пора домой.

Поднявшись, взяла сумку, подползла к зеркалу и посмотрела на свое отражение.

– А с помадой лучше, – проговорила, кривя губы, перенимая манеру начальства. – Подумаешь!..

– Кхм.

Подпрыгнув, кажется, до самого потолка, повернулась на звук. Малкин стоял в дверном проеме, широко расставив ноги и сложив руки на груди. Его пиджак висел на локте, а рукава рубашки были небрежно подвернуты, открывая запястья, на которые я и уставилась так, словно увидела нечто запрещенное, но жутко интригующее.

– Рыбкина, – позвал меня Малкин, – ты что здесь делаешь? В зеркало могла бы и дома смотреть.

– Так я... – пришлось откашляться, голос внезапно сел. – Собиралась домой как раз. Только что закончила с...

– Стоп, – шеф едва заметно качнул головой. – Просто скажи, все успела?

– Да.

– Тогда до завтра.

Он отбросил пиджак на кресло и прошел к своему столу, распутывая на ходу узел галстука. Каждое движение продумано, даже если выглядело небрежным. Собранный, деловой и отчего-то жутко притягательный. А я никак не могла отвести глаз от чертовых запястий, словно они меня приворожили. Это был все тот же Малкин, да не тот. На скулах этого мужчины уже появилась легкая щетина, и он явно не получал удовольствия от удавки на собственной шее. Галстук нашел новое пристанище на спинке крутящегося кресла, и верхняя пуговка у ворота рубашки была расстегнута...

Я выходила из кабинета, не поворачивая головы, но глядя в сторону шефа так, что любой окулист поставил бы диагноз «необратимое косоглазие». А он даже не глянул на меня больше, принимаясь рассматривать бумаги, разложенные мною по стопочкам. И только оказавшись в темном коридоре, я вспомнила, что мой начальник – деспот, заставивший работать до седьмого пота и даже не похваливший за праведные труды. Эгоист и самодур. Единственное, что в нем прекрасно – это запястья. Ну, и глаза, когда не покрыты коркой льда. Фигура, впрочем, тоже ничего...

Тряхнув головой, удивленно моргнула.

Чего это я, в самом деле? Заработалась до романтического бреда в голове. В фирме Коршунова такого не случалось. Но там и в Израиль меня не возили...

– Рыбкина! – тихий, не предвещавший беды голос догнал меня, когда я шагнула в лифт. И мне бы притвориться, что не услышала, но вокруг гробовая тишина, а у шефа и так на меня зуб. Тридцать два зуба...

– Слушаю, – отозвалась я из своего конца коридора, высовываясь из кабины.

– Сюда иди!

И так мне его тон не понравился, хоть беги. Сделав шаг вперед, услышала, как закрылись за мной дверцы лифта, и окончательно оробела.

– Ульяна Михайловна! – Совсем рядом раздались шаги и показался силуэт приближающегося Малкина. Заметив меня, шеф покачал головой: – У вас такой вид, словно к обороне готовитесь.

– Ну что вы! – наигранно засмеялась я, а у самой поджилки вздрогнули несколько раз. – Что-то случилось?

Начальник промолчал. Подошел почти вплотную, остановился, поднял руку и потянул ко мне. Я аж рот открыла от удивления, ожидая продолжения и где-то на подкорках сознания отмечая, что отторжения этот его жест у меня не вызвал.

Только рука Малкина прошла мимо. Он нажал на кнопку вызова, и дверцы лифта снова распахнулись.

– Заходите, Рыбкина, – сказал шеф с таким серьезным лицом, словно выговор объявил. – Подвезу вас.

– Домой?

– На первый этаж.

Тоже мне остряк!

Пока ехали вниз, Малкин позвонил Валере и сказал, чтоб подогнал авто к выходу. И лишь в холле, стоило нам оказаться на первом этаже, проговорил как бы между делом:

– Вам сегодня утром Макс звонил...

Я пожала плечами, потом кивнула:

– Да, было дело.

– Просил приехать. Был предлог?

– Да, он...

– Неважно. – Малкин перебил меня, морща лоб и вскидывая вперед правую руку, словно хотел закрыть мне ею рот. – Надеюсь, у вас хватило ума к нему не ехать?

Предчувствуя грозу, вцепилась в собственную сумку и ответила:

– Конечно.

– Ну, Макс!.. Ни одной юбки пропустить не может, – процедил шеф, – даже если ее в брюки одеть.

Я мельком осмотрела свой костюм: все прикрыто, блузка застегнута наглухо.

– Хочу, Ульяна, чтобы вы зарубили себе на носу, – продолжил тем временем Малкин. – Когда я вас нанимал на работу, рассчитывал получить профессионала, а не очередную Све-

точку, желающую попасть в постель к звезде. Вы показались мне неглупой и перспективной, и я рассчитываю на то, что и дальше такой останетесь.

Мысленно отметив нарицательное «Светочка», поняла, что секретарша все-таки разбавила одиночество Макса своим присутствием. Но то, что и мне приписывали подобные черты, не понравилось абсолютно. Поэтому ответила шефу сквозь зубы:

– Да, Александр Сергеевич. Обещаю.

– Что обещаете?

– И дальше не поддаваться на провокации Старовойтова. Он наш клиент, а я очень хочу работать на вас и дальше. Тем более что зарплата очень даже достойная.

– Настолько достойная, что хватит в Тель-Авиве по бутикам погулять, – со сверлящим прищуром проговорил Малкин, а мне захотелось под землю провалиться от понимания: какая-то сволочь уже доложила и, возможно, даже пересказала диалог на кухне шефу. Вот же... гадство.

– На самом деле я не собиралась тратить время на подобные глупости... – попыталась оправдаться, но наткнулась на ледяной взгляд начальника и замолчала.

– Мы летим в Израиль работать, Ульяна! Хотите посмотреть достопримечательности и прикупить шмоток – ради бога. В отпуске! – отрезал тиран-работодатель. – Не заставляйте меня жалеть о том, что нанял вас, а не матерого сорокалетнего мужика. Вот уж к кому, а к нему бы Старовойтов точно в штаны не полез. Подобное неприемлемо! Надеюсь, мы поняли друг друга?

– Вполне. Да.

Малкин еще пару секунд гипнотизировал меня взглядом удава, потом вздохнул, посмотрел на часы и указал головой на выход:

– Поехали, Рыбкина. Если бы не Израиль и срочность, плыть бы нам в разные стороны. Не подведите меня.

– Ни в коем случае, Александр...

– И разговоров поменьше! Просто кивайте, что ли.

Я открыла было рот, чтобы снова заверить шефа в признательности и готовности пахать на благо собственного кошелька, но тут же захлопнула его, растянула губы в неправдоподобной улыбке и кивнула. Он возвел глаза к небу и открыл передо мной дверь автомобиля.

Сама галантность!

Усевшись за Валерой, я пристегнула ремень и сложила руки на коленях, как примерная ученица. Малкин обошел машину и сел с другой стороны, оказавшись рядом со мной.

– Куда? – уточнил водитель, мягко трогаясь с места.

– Сначала завезем домой Ульяну Михайловну, – начальник повернулся и посмотрел на меня, – если, конечно, у нее в планах не было поехать куда-то еще.

На миг я ощутила себя дочерью строгого папочки. К слову, мой отец никогда не проявлял тотального контроля в отношении личной жизни дочери, поэтому оказаться в подобной ситуации было необычно и немного волнующе. Словно у нас с Малкиным ролевая игра. Босс и непослушная подчиненная. Он хочет ее наказать, а она делает вид, что наказания боится...

От собственных мыслей стало смешно. Придет же такой бред в голову!

– В планах только отдых перед рабочим днем, – проговорила я, тщательно перебарывая улыбку, рвущуюся наружу. Еще не хватало засмеяться, когда начальство гневаться изволит.

– Отлично. – Малкин задержал на мне взгляд и отвернулся, чуть качнув головой.

Неужели раскусил настроение? Нужно как-то вырабатывать в себе трепет после выволочек, иначе решит еще, что с моей стороны уважения недостаточно. Я видела, как подбираются сотрудники агентства, стоит Малкину пройти мимо и бросить хмурый взгляд в их сторону. А уж если обращается с просьбой, то девочки на цыпочках бегут и в рот заглядывают. Он так привык и не простит мне, если начну вносить раздор в отработанную до мелочей схему.

Сцепив руки, я отвернулась к своему окну и залюбовалась проносящимися мимо видами. Сколько лет живу в Москве, а толком и не была нигде. И друзей не завела настоящих. Вот сегодня, например, очень хотелось добраться домой, лечь в теплую кровать и позвонить кому-нибудь из близких. Посплетничать, обсудить новую работу и знакомства, того же шефа с его придирками, стратегию дальнейших действий... Только никому, кроме родителей, и дела нет, как у меня жизнь складывается, а им я жаловаться точно не собираюсь.

– Слушаю! – внезапно рявкнул Малкин на весь салон.

Я обернулась и невольно засмотрелась на него. Строгий, деловой и очень уставший. Вечно в работе, обдумывает что-то наперед, планирует, записывает, распределяет... Интересно, есть ли у него личная жизнь? Как вообще при таком режиме успевать ухаживать за женщинами?

– Значит, нет! – ответил кому-то шеф по телефону. – Отказывайся. Шли их лесом. И завтра иди к Рогову. С утра. У него три запроса от Мосфильма сейчас есть. Проект новый. Один типаж очень тебе подходит, насколько помню. Так что... Нет, только с ним. Я сегодня твое дело ему передал, так что дерзай. И портфолио новое не забудь. Некогда! Все.

Отбив вызов, Малкин раздраженно убрал телефон в карман пиджака и откинулся на спинку кресла, прикрывая глаза. А я все смотрела на него, почти не дыша и делая неожиданный вывод: красивый у меня начальник. Не смазливый, а именно мужественный. Профиль точеный, губы крупные, хорошо очерченные, нос прямой, скулы высокие, покрытые легкой щетиной... Спортивный, подтянутый, высокий. И жесты все скупые, выверенные, по делу, а не жеманные, как у большинства парней сейчас. И такой трофей никому не принадлежит. Разве так бывает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.